

КОГДА МИРЫ ДРОЖАТ

ВТОРАЯ КНИГА ЦИКЛА „ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ТАЙНУ“

Бобыкин Алексей Николаевич

Алексей Бобыкин

Когда миры дрожат

<https://litres.ru/74606314>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда миры дрожат, они дрожат в тишине — там, где раньше звучали голоса тех, кто умел их удерживать. Селена и Элиан ушли, и в этой тишине стало слышно, как трещат границы реальностей. Теперь на краю разлома стоят другие — те, кого раньше не считали героями. Им не оставили инструкций, только обрывки легенд и тяжёлый выбор: бежать, пока ещё можно, или шагнуть навстречу надвигающейся тьме. Равновесие больше не держится на великих именах — оно держится на смелости тех, кто решился его подхватить»

Алексей Бобыкин

Когда миры дрожат

Глава 1

Глава 1

Алексей жил в обычной панельной девятиэтажке, где тишина была не уютной, а какой-то звенящей: сквозь тонкие стены доносился то плач ребёнка этажом выше, то гул лифта, то чей-то телевизор. Он старался цепляться за эти звуки — они казались ему доказательством, что он вернулся в нормальную жизнь. «Это был сон. Просто очень длинный, очень настоящий сон», — повторял он себе по утрам, пока заваривал кофе на маленькой кухне, где плитка местами отходила от стены.

Он вернулся к фрилансу — открывал ноутбук, брал заказы, отвечал на сообщения, сверял правки. Всё как раньше: те же клиенты, те же дедлайны, те же строчки кода или тексты, которые нужно было довести до идеала. Только теперь каждое действие давалось как будто через силу. Он заставлял себя сидеть ровно, не замирать посреди фразы, не прислушиваться к чему-то невидимому. Когда заказчик писал: «Всё ОК, спасибо», Алексей кивал, будто собеседник мог его видеть, и отвечал: «Без проблем, если что — я тут».

Клинок он сначала спрятал в коробку с зимними вещами на антресоли, но уже через пару дней достал и положил в ящик стола рядом с зарядками и старыми флешками. Не потому, что верил, что он понадобится, а потому что без него внутри становилось пусто, а эта пустота была хуже любого страха.

А потом начались ряби.

Сначала он списывал их на усталость: думал, что это просто блики на воде от уличных фонарей, или отражение облаков, или просто глаза устали от экрана. Но рябь появлялась там, где её не должно было быть: в луже у подъезда, в стакане с остывшим чаем, в тёмной глади пруда, куда он выходил подышать, когда не мог больше смотреть в монитор. И каждый раз его рука тянулась к клинку. Каждый раз он касался ряби металлом — будто проверял: если клинок войдёт в воду как положено, если брызнет холодная капля, значит, это просто вода. Значит, всё было сном.

Но рябь не вела себя как вода. Она вздрагивала от прикосновения клинка, будто была живой, тянулась к металлу тонкими нитями, как будто хотела что-то ему сказать. И тогда Алексей отшатывался, зажмуривался и снова шептал: «Сон. Это был сон».

Он старался держаться за рутину: пить кофе по утрам, отвечать на письма, сдавать заказы точно в срок. Но чем старательнее он выстраивал эту привычную жизнь, тем отчётливее чувствовал, что она держится на нитках, которые вот-вот

порвутся. И однажды, стоя у озера и глядя, как рябь стягивается в одну точку, он вдруг понял: он больше не пытается доказать себе, что это сон. Он пытается доказать, что может без них жить. А это не получалось.

Алексей шагнул вперёд — и мир сомкнулся за его спиной, как захлопнувшаяся створка. На миг его накрыла густая, звенящая тишина, будто звук вырезали из реальности. А потом тишина рассыпалась на тысячи голосов: шёпот ветра, далёкий перезвон, чей-то смех, обрывки слов на незнакомом языке.

Он стоял на краю каменного плато, а перед ним раскинулся мир Элиана — не такой, каким он помнил его по рассказам, а живой, дышащий, будто сотканный из света и теней.

Небо здесь не было синим. Оно переливалось слоями: внизу тянулась полоса глубокого индиго, выше — полоса янтарного света, а ещё выше — тонкая, почти прозрачная вуаль из серебристых нитей, которые медленно двигались, как живые. Казалось, само небо здесь было тканью, которую кто-то осторожно ткал, не давая ей распасться.

Под ногами у Алексея лежала брусчатка из тёмного камня, но между её плитами пробивались тонкие стебли светящегося мха — он мерцал бледно-зелёным, будто в нём текла не вода, а свет. Вдали, за плато, город поднимался уступами, словно ступени к небу: дома из полупрозрачного камня, арки, соединяющие крыши, мосты, висящие без опор, будто держащиеся на одном только воздухе.

Здесь магия не была чудом — она была частью повседневности. По улице неспешно шла женщина в плаще из ткани, которая меняла цвет в такт её шагам. Рядом мальчишка запускал в небо бумажный фонарик, и тот не просто летел — он рос, превращаясь в маленькую птицу с крыльями из света. На углу старик торговал чем-то из корзин, и над каждой корзиной висели крошечные светящиеся знаки — Алексей не мог разобрать символы, но чувствовал, что они шепчут о содержимом: «травы для памяти», «пыль для снов», «камень, который помнит дождь».

Воздух пах озоном и корицей, а ещё чем-то неуловимым — будто в нём застыли отголоски чужих желаний и старых клятв. Время здесь текло иначе: Алексей вдруг поймал себя на мысли, что не может понять, сколько прошло — минута или час. Тени двигались не туда, куда им полагалось, а звуки доносились не из тех мест, откуда должны были.

И тут он заметил главное: границы. Не стены и не заборы, а тонкие линии света, едва заметные глазу — они очерчивали улицы, дома, целые кварталы. Это были контуры миров, удерживаемые магией Хранителей. И в одном месте такая линия дрожала, будто её царапнули: она мерцала, истончалась, и сквозь неё проглядывала чужая реальность — серая, безжизненная, как тень этого города.

Алексей крепче сжал рукоять клинка. Металл отозвался тихим гулом, будто узнал это место. И тогда он понял: мир Элиана не был спасён. Он держался на нитях, которые тре-

щали от напряжения. И кто-то — или что-то — пытался их порвать.

Глава 2

Алексей снова проснулся с тем же липким ощущением. Будто он не доделал что-то важное. Опять этот сон — ванна, дрожащая вода, рука, тянущаяся к клинку... и этот голос. Низкий, бархатный, будто сотканный из теней и шёпота ветра. Он звал по имени — так, что по спине бежали мурашки, а пальцы сами сжимались, готовые схватить рукоять. И каждый раз на этом месте сон обрывался, швыряя Алексея обратно в реальность.

Но сегодня всё пошло не так.

Он проснулся на самом начале — когда только потянулся к крану, чтобы набрать воду. И вдруг понял: это сон. Осознание ударило, как ледяной душ. Он огляделся, и комната в панельном доме показалась странно яркой, будто кто-то выкрутил насыщенность до предела: каждая тень была чёткой, каждая царапина на ламинате — выпуклой.

И тут взгляд упал на книжную полку. Обломок драконьей чешуи, который он хранил как сувенир — глупый трофей из того, что он пытался считать сном, — светился. Не мигал, не мерцал, а ровно, холодно горел тусклым фиолетовым светом, будто внутри него билось чужое сердце.

Алексей сел на кровати, сжал виски пальцами, пытаясь удержать реальность, но мир вокруг уже не хотел быть обыч-

ным. Тишина в квартире стала густой, как вата, и сквозь неё пробивался далёкий, едва слышный шёпот — тот самый голос из сна.

В голове у него глухо стучала одна и та же мысль, которую он столько раз пытался заглушить: Селена и Элиан погибли. А он... он был не просто свидетелем той катастрофы. Он был реинкарнацией Элиана — и этот факт пугал его сильнее любых разрывов между мирами. Будто часть его души всё ещё помнила ту последнюю битву, холод клинка, тяжесть ответственности, которую он не смог удержать. И теперь эти воспоминания прорывались сквозь попытки Алексея жить обычной жизнью — в снах, в ряби на воде, в гуле металла, когда он касался клинка.

Он встал, быстро оделся, будто боялся, что если задержится хоть на секунду, комната снова рассыплется на фрагменты сна. Рюкзак стоял у двери — он схватил его, сунул внутрь клинок, потом, не раздумывая, снял с полки светящийся обломок чешуи. Металл и кость легли рядом, и на миг ему показалось, что между ними пробежала искра.

В ванной он остановился перед ванной, смотрел, как вода льётся из крана, ударяется о дно и... дрожит. Не рябью, не кругами — а будто сама её суть колебалась, как натянутая струна. Голос стал громче, звал его по имени, и теперь в нём слышалась не только манящая мягкость, но и срочность, почти приказ: «Иди. Сейчас».

Обычно в этот момент он тянулся к клинку, чтобы кос-

нуться воды, как будто этим жестом мог удержать миры на своих местах. Но сегодня он не стал этого делать. Вместо этого он шагнул вперёд, прямо в воду, не дожидаясь, пока она наберётся.

Холод ударил по коже, но длился лишь мгновение — потом вода перестала быть водой. Она стала дверью.

Когда Алексей открыл глаза, он стоял не в тесной ванной панельного дома, а в огромном зале, где потолок терялся в полумраке, а стены были сложены из камня, который будто впитывал свет и отдавал его обратно тысячами крошечных искр. Это был Зал Совета Хранителей.

Вокруг него полукругом стояли фигуры в плащах с глубокими капюшонами — их лиц не было видно, но он чувствовал на себе их взгляды, тяжёлые и внимательные. В центре зала, на возвышении, стояла женщина — та самая, чей голос он слышал во сне. Теперь он видел её целиком: высокая, с волосами цвета воронова крыла, свободно струящимися по плечам, в одеянии из ткани, которая казалась одновременно плотной и прозрачной, будто соткана из сумерек.

Она смотрела прямо на него, и в её глазах было что-то, от чего у Алексея перехватило дыхание — не угроза, не гнев, а глубокое, почти болезненное узнавание.

— Ты наконец пришёл, — произнесла она, и её голос, теперь наяву, звучал не как соблазн, а как приговор и обещание одновременно. — Мы думали, ты никогда не решишься сделать этот шаг.

Глава 3

Алексей крепче сжал лямку рюкзака, ощущая сквозь ткань холод клинка. В груди что-то сжималось — не только от страха, но и от странного, горького узнавания: будто часть его, та самая, что принадлежала Элиану, знала эту женщину, знала этот зал, знала, зачем он здесь. Слова рвались наружу, но он не пытался спросить про Селену — эта боль была слишком острой, слишком личной, она жгла изнутри, и он боялся, что, произнеся её имя, сломается прямо здесь, перед всеми.

Женщина чуть наклонила голову, будто прислушиваясь к его невысказанным вопросам, и наконец заговорила чуть тише, так, что её голос ложился на нервы, спокойный и твёрдый, без лишней мягкости:

— Меня зовут Лира. Я — Верховная Хранительница и та, кто столько ночей звала тебя сквозь сны. Не для того, чтобы мучить, а чтобы ты не забыл, кто ты есть.

Она сошла с возвышения. На ней была лишь короткая туника из тонкой ткани, перехваченная простым кожаным ремнём; остальное тело оставалось почти обнажённым — но в этой простоте не было легкомыслия. Каждое её движение было собранным, выверенным, будто даже поворот головы мог удержать трещину в мироздании. Глаза цвета свежей весенней зелени смотрели на Алексея не свысока, а с той особой внимательностью, какой наставник изучает уче-

ника, в котором видит и огромный потенциал, и огромную опасность — для себя самого и для мира.

Лира остановилась в шаге от него.

— Ты думаешь, что сила Элиана — это тяжесть, которую ты не сможешь вынести, — произнесла она ровно, без пафоса, просто констатируя факт. — Но сила — это не только бремя. Это память, которая теперь живёт в тебе. И сейчас нам нужно, чтобы ты её услышал.

Она протянула руку — тонкие, сильные пальцы, на запястье мерцал тонкий обруч из того же камня, из которого были сложены стены зала.

— Достань обломок драконьей чешуи. Держи его в ладони, но не сжимай. Пусть он почувствует тебя, а ты — его.

Алексей медленно, будто каждое движение давалось с усилием, потянулся к рюкзаку, вытащил обломок и положил его на раскрытую ладонь. Чешуя тут же отозвалась — не светом, а вибрацией, такой тонкой, что её почти нельзя было назвать звуком. Она пела.

Лира едва заметно кивнула и накрыла его руку своей — её прикосновение было неожиданно тёплым, почти обжигающим, и в тот же миг мир вокруг будто приглушил краски, оставив только этот контакт: её пальцы поверх его, чешуя между ними, и волна воспоминаний, хлынувшая сквозь него.

Это не были картинки — это были ощущения: холод клинка в другой жизни, когда он, тогда ещё Элиан, держал

границу одной лишь волей; тяжесть выбора, когда пришлось оставить кого-то позади; и странная, звенящая тишина, которая наступает, когда миры замирают на грани распада. Алексей пошатнулся, но Лира не дала ему упасть — её дру-гая рука твёрдо легла ему на плечо, удерживая, не давая со-рваться в этот водоворот.

— Дыши, — тихо сказала она, не убирая рук. — Не пы-тайся удержать эти воспоминания. Пусть они пройдут сквозь тебя, как вода сквозь пальцы. Твоя задача сейчас — не стать Элианом снова. Твоя задача — стать Алексеем, который зна-ет, как быть Элианом.

Вибрация в чешуе стала мягче, из острой и колючей пре-вратилась в ровный гул, похожий на сердцебиение. Алексей вдруг почувствовал, как в груди разливается странное тепло, вытесняя ту пустоту, которую он столько месяцев пытался заполнить рутиной и дедлайнами.

Лира наконец убрала руки, но осталась рядом, на расстоя-нии вытянутой руки — достаточно близко, чтобы успеть под-хватить, если он снова пошатнётся, и достаточно далеко, что-бы дать ему пространство.

— Теперь ты чувствуешь её, — сказала она, чуть склонив голову. — Силу, память, долг. Они не исчезнут, если ты за-кроешь глаза. Но теперь ты знаешь: ты не один с этим. Я бу-ду рядом. Я стану твоей наставницей, Алексей. И мы вместе сделаем то, что Элиан не успел.

Глава 4

Ли́ра чуть отступила, давая ему пространство, но её взгляд не отпускал. Он чувствовал этот взгляд физически — как давление на грудь, будто она держала его одной только волей, не давая сорваться.

— После смерти Селены демоны ненадолго успокоились, — произнесла она, и в этих словах не было ни жалости, ни сочувствия — только сухая, жёсткая правда. — Им нужно было перегруппироваться, понять, что Хранители ослабли. Мы воспользовались этой передышкой: укрепили самые очевидные разломы, стянули силы к ключевым узлам. Но теперь они снова идут. И не в одном месте, а сразу в десятках. Разломов слишком много, чтобы один Хранитель мог удержать их все.

Она сделала паузу, словно позволяя этим цифрам осесть в его голове, стать весомыми, настоящими.

— Архимаги знают способ, который может изменить баланс. Не просто латать дыры, а стабилизировать саму ткань миров так, чтобы разломы закрывались сами, а демонам становилось труднее их пробивать. Это древняя техника, почти забытая. Элиан был близок к ней. Он изучал архивы, собирал обрывки знаний, пытался понять принцип. Он почти нащупал суть... и погиб, не успев ничего записать.

Алексей сжал кулаки, так что ногти впились в ладони. В груди всё сжалось, будто кто-то сжал сердце в кулаке.

— Значит, всё это время я пытался убедить себя, что это

сон, — глухо сказал он, — а он в тот момент уже искал способ всё исправить.

Лира кивнула, её зелёные глаза не отрывались от него, будто она считывала каждую эмоцию, каждое колебание.

— Да. И теперь эта задача — твоя. Ты не просто носитель его силы. Ты — его продолжение. И если ты сможешь дойти туда, где он остановился, у нас появится шанс.

Он хотел спросить, что именно нужно сделать, какие шаги, какие книги, какие места. Но слова застревали где-то в горле, потому что вместе с информацией на него обрушилась тяжесть: не просто «помоги закрыть разломы», а «доделай то, что не успел тот, кто уже заплатил жизнью».

Лира шагнула ближе, не резко, а так, будто это было самое естественное движение в мире. Её голос стал тише, но от этого звучал ещё весомее:

— Я не стану обещать, что будет легко. Или что ты справишься. Но я обещаю, что ты не будешь один. Я — твоя наставница. Я покажу тебе, как слышать разломы, как отличать ложные следы от настоящих, как не дать страху парализовать тебя в тот момент, когда нужно действовать.

Алексей наконец выдохнул, будто только сейчас вспомнил, что вообще нужно дышать.

— А если я не смогу? Если я просто... обычный человек, который случайно оказался в этом теле?

Лира едва заметно улыбнулась — не весело, а так, словно видела его насквозь и знала, что эта неуверенность — самая

опасная его слабость.

— Ты не обычный. И ты не случайно. Ты здесь, потому что сила выбрала тебя. Теперь твоя очередь выбрать — принять её или позволить ей сжечь тебя изнутри.

Она протянула руку, ладонью вверх, предлагая не помощь, а союз.

— Первый шаг простой. Расскажи мне всё, что помнишь из своих снов. Каждую деталь: где появлялась рябь, что ты чувствовал, какие слова слышал. Даже если это кажется мелочью. В этой технике архимагов важны детали. Иногда одна фраза может открыть дверь.

Алексей медленно кивнул, чувствуя, как внутри что-то сдвигается. Не страх, не паника — а странное, горькое принятие. Он шагнул вперёд и положил свою руку поверх её ладони.

— Хорошо, — сказал он. — Я расскажу.

Глава 5

Алексей опустил взгляд на их соединённые руки — её ладонь была твёрдой, тёплой, будто в ней текла не кровь, а сама сила этого мира. Он глубоко вдохнул, пытаясь собрать мысли, которые рассыпались, как сухие листья на ветру.

— Я... я не знаю, с чего начать, — пробормотал он, голос прозвучал непривычно хрипло. — Всё это казалось просто... привычным. Я же знал, что это за рябь. Я знал, что делать.

Лира чуть наклонила голову, но не торопила. Её зелёные

глаза оставались спокойными, внимательными.

— Просто выкладывай, как приходит, — тихо сказала она.
— Даже если звучит глупо. В нашем деле «глупо» часто оказывается ключом.

Алексей сглотнул. Перед глазами тут же всплыла картинка: его ванная, тусклый свет лампочки, вода, которая вдруг начинала дрожать, будто её касался кто-то изнутри.

— Разломы в моём мире появлялись постоянно. В воде, в стекле, в лужах. Я знал, что это такое, знал, что делать. Доставал клинок, касался ряби, и разлом схлопывался. Как всегда. Десятки раз. Сотни.

Он запнулся, вспоминая, как каждый раз повторял себе: это рутина, это просто работа, это не значит, что нужно вернуться в мир Хранителей. Можно держать границу отсюда, из панельного дома, через экран ноутбука и ванну.

— Но потом появился голос, — продолжил он, чуть крепче сжав её ладонь. — Сначала просто шёпот. Потом он стал звать меня по имени. И каждый раз, когда я слышал его, рябь становилась сильнее, разломы появлялись чаще. Я всё так же касался их клинком, и они закрывались, но... я чувствовал, что это не просто разломы. Что кто-то пытается не просто прорваться, а вытянуть меня сюда.

Лири едва заметно кивнула, не сводя с него взгляда.

— Ты сопротивлялся, — не спросила, а констатировала она.

Алексей горько усмехнулся:

— Да. Я закрывал разломы, но не шёл дальше. Делал свою работу и делал вид, что этого достаточно. Что я просто... фрилансер, который иногда чинит дыры в мироздании. Удобно, да?

— И что происходило в снах? — спросила Лира, не цепляясь за его иронию.

Он на секунду зажмурился, и перед глазами всплыло то, что он раньше старался не замечать.

— Во сне я набирал ванну. Вода дрожала, разлом открывался, и я как обычно тянулся к клинку. Но в тот момент, когда я касался ряби, разлом не закрывался. Он... останавливался. Замирал, будто ждал чего-то. И тогда я слышал голос. Твой голос. Ты звала меня. А я просыпался.

Лира чуть прищурилась.

— Разлом ждал, потому что ты сам ждал, — сказала она ровно, без осуждения. — Ты закрывал разломы клинком, но не пускал силу полностью. Держал её на привязи, на минимуме. Этого хватало, чтобы латать мелкие трещины, но не хватало, чтобы услышать, что происходит на самом деле.

Алексей сжал кулаки, так что ногти впились в ладони.

— Значит, я всё это время мог...

— Мог, — перебила Лира безжалостно. — Но не хотел. И это тоже понятно. Ты потерял Селену. Ты потерял Элиана — точнее, потерял себя как Элиана. Закрыться, делать минимум, не лезть глубже — это не трусость. Это способ выжить.

Она чуть подалась вперёд, и в этом движении была только

собранность.

— А теперь вспомни: были ли в этих снах какие-то повторяющиеся детали? Не рябь и не голос, а что-то ещё. Место, ощущение, какой-то звук. В технике архимагов важна каждая зацепка. Иногда разлом оставляет след не в пространстве, а в памяти.

Алексей нахмурился, пытаясь продраться сквозь туман снов. И вдруг перед глазами всплыло то, что он раньше не замечал — или не хотел замечать.

— Там... в одном из снов, когда разлом замирал и не закрывался, я видел не просто пустоту. Там были нити. Тонкие, светящиеся, они тянулись куда-то в темноту. И они... пели. Не словами, а звуком, от которого хотелось одновременно закрыть уши и слушать вечно.

Лира резко выпрямилась, и её взгляд стал острым, как лезвие.

— Нити силы, — выдохнула она почти шёпотом, будто боялась спугнуть слово. — Это линии, на которых держатся миры. Если ты их видел во сне, значит, твоя связь с силой глубже, чем ты думал. Ты не просто закрывал разломы — ты уже нащупывал нити, но не давал себе это увидеть.

Она выпустила его руку и сделала шаг назад, но не для того, чтобы отдалиться, а чтобы посмотреть на него уже не как на упрямца, который отказывается шагнуть дальше, а как на того, кто наконец начал видеть картину целиком.

— Элиан искал способ соединиться с этими нитями на-

прямую, — сказала она уже другим тоном — жёстким, деловым, без всякой мягкости. — Он хотел не просто латать разломы, а перенастраивать сами линии. Чтобы границы становились крепче сами по себе. Но для этого нужно не только знание — нужно чувствовать эти нити. Слышать их ритм.

Алексей медленно кивнул, чувствуя, как страх понемногу уступает место чему-то другому — странному, горькому азарту.

— Так что мне теперь делать? Слушать эти нити? Пытаться их коснуться?

Лира снова подошла ближе, но остановилась на расстоянии вытянутой руки, давая ему пространство, но не отпуская из своего поля зрения.

— Сейчас — ничего, — твёрдо сказала она. — Сегодня ты просто вспомнил. Ты дал мне детали, которых не было в отчётах. Этого уже достаточно. Завтра начнём учиться слышать эти нити осознанно. А пока... тебе нужно переварить всё это.

Она чуть склонила голову, и в её взгляде мелькнуло что-то почти человеческое — усталость, смешанная с облегчением.

— Ты закрывал разломы, когда мог просто отказаться, Алексей. Месяцами. Один, в своём мире, без поддержки. Ты делал больше, чем думал. Но теперь пора делать больше, чем просто латать.

Алексей хотел было сказать что-то в ответ, но слова снова застряли в горле. Вместо этого он просто кивнул, чувствуя,

как тяжесть, которую он столько месяцев таскал в себе, наконец перестала казаться невыносимой. Теперь она была не просто грузом — теперь она стала задачей. И у этой задачи был план.

Глава 6

Лира двинулась вперёд, не оглядываясь, но и не уходя далеко — так, чтобы Алексей не чувствовал себя брошенным, но и не мог спрятаться за её спиной. Он шёл следом, глядя не на неё, а на собственные ботинки, на то, как каждый шаг отдаётся в груди глухим эхом, будто пол был не камнем, а натянутой мембраной.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь просто закрыть разлом и уйти, — вдруг сказала Лира, не замедляя шага. Голос её звучал ровно, без упрёка, но от этой спокойной уверенности становилось только тяжелее. — Что это просто работа. Но сегодня ты увидишь, что это было не просто латание дыр. Это была подготовка.

Алексей стиснул зубы, не отвечая. Ему нечего было возразить.

Коридоры становились всё уже, своды опускались ниже, будто сам Зал Совета сжимался вокруг него, подталкивая к тому, что ждало впереди. Свет менялся: вместо холодного сияния факелов здесь горели маленькие сферы, дававшие тёплый, но какой-то выцветший свет, словно они хранили в себе воспоминания о давно погасших днях.

— Архивы Хранителей не любят спешки, — бросила Лира через плечо, не оборачиваясь, но голос её всё равно долетал до Алексея чётко, будто звук шёл не из воздуха, а из самого камня. — Они открываются тем, кто готов слушать.

Он наконец поднял глаза — и не на Лиру, а на стены. На них тянулись тонкие прожилки светящегося минерала, складываясь в узоры, которые напоминали ему те самые схемы из его снов. И вдруг он понял: эти коридоры не просто вели к архиву. Они были картой. Каждый поворот, каждый изгиб пола повторял линии силы, те самые нити, о которых говорила Лира.

Они остановились перед аркой, где не было двери — только мерцающая завеса, похожая на застывшие капли дождя. Лира коснулась её ладонью, и завеса потекла, открывая проход в длинный зал, уходящий в полумрак. Полки тянулись до самого потолка, уставленные коробками, свитками, стеклянными колбами, в которых что-то медленно кружилось, словно миниатюрные галактики.

— Здесь всё, что успели собрать и записать Хранители за последние триста лет, — сказала Лира, и её голос в этом зале звучал тише, почти благоговейно. — И среди этого — заметки Элиана. Он не успел их систематизировать, но успел кое-что записать.

Алексей остановился на пороге, чувствуя, как по спине пробегает холодок, совсем не похожий на сквозняк. Это было не просто хранилище бумаг — это была память о нём са-

мом, только чужой, забытой жизнью.

Лира подошла к одной из полок, провела пальцем по корешку толстой тетради в тёмно-зелёной обложке, и та сама скользнула ей в руки.

— Вот это он вёл последние месяцы, — тихо сказала она, протягивая тетрадь Алексею. — Здесь не отчёты для Совета. Здесь его мысли, догадки, схемы... и то, что он называл «следами нитей».

Алексей взял тетрадь осторожно, будто боялся, что она рассыплется от одного прикосновения. Обложка была гладкой, с выцветшим тиснением, а когда он открыл первую страницу, его будто ударило током.

Почерк был его. Или не его — но настолько похожий, будто кто-то скопировал его руку. Ровные, уверенные буквы, местами перечёркнутые, с пометками на полях, сделанными уже другим, более нервным почерком.

Он провёл пальцем по строке, которую сам когда-то вывел: *«Нити не статичны. Они поют. Если слушать не ушами, а рёбрами — можно услышать, где они рвутся».*

— Он писал это незадолго до... до конца, — тихо сказала Лира, стоя чуть позади, чтобы не давить, но быть рядом. — Он пытался найти способ не просто закрывать разломы, а слышать ткань мира. И у него начали получаться первые наброски техники архимагов.

Алексей перевернул страницу. Там были схемы — не чертежи, а скорее интуитивные зарисовки: круги, линии, стрел-

ки, которые сплетались в узлы. Рядом — короткие фразы: «резонанс металла», «точка опоры — не место, а намерение», и ниже, крупными буквами, будто он сам себе напоминал: *«Не закрывай. Слушай»*.

Он замер, чувствуя, как внутри что-то щёлкает на место. Это было знакомо. Не как воспоминание, а как ощущение — будто его рука всё ещё помнила, как выводить эти линии.

— Я... я помню это, — прошептал он, не поднимая глаз. — Не слова, не схемы... а как это чувствовалось. Когда ты пытаешься не давить на разлом, а стать с ним на одну частоту.

Лира кивнула, не пытаясь его подбодрить или поторопить.

— Значит, сила не просто живёт в тебе, — сказала она спокойно. — Она оставила следы. И теперь эти записи — не чужой труд. Это твой собственный черновик, который ты когда-то бросил на середине.

Алексей снова посмотрел на страницу, на перечёркнутую фразу, на торопливую пометку на полях: *«Если не успею — пусть тот, кто придёт следом, поймёт: нельзя чинить мир вслепую»*.

Его пальцы дрогнули.

— Это я написал, — глухо сказал он. — Или он. Но это одно и то же.

Лира шагнула ближе, но не коснулась его, будто знала, что сейчас ему нужно держать эту тетрадь самому, без опоры.

— Да, — просто ответила она. — И теперь у тебя есть

шанс дописать эту фразу. Не «если не успею», а «я успел».

Она указала на нижнюю полку, где стояли стеклянные ящики с аккуратно сложенными листами.

— Там — его последние наброски по технике архимагов. Они не завершены, но в них есть ключ к тому, как соединяться с нитями. Мы можем разобрать их завтра. Но сегодня... сегодня просто посиди здесь. Перелистай. Пусть эти слова снова станут твоими.

Алексей медленно опустился на низкий табурет рядом с полкой, положил тетрадь на колени и продолжил листать. На одной странице был рисунок — простой, почти детский: человек стоит перед светящейся паутиной, и от его рук к нитям тянутся тонкие линии. Под ним было написано: *«Сила — это не удар. Сила — это эхо»*.

Он задержал взгляд на этих словах, чувствуя, как тяжесть, которую он столько месяцев таскал в себе, становится не грузом, а инструментом. Не наказанием, а правом.

Лира отошла к дальнему концу зала, давая ему пространство, но не покидая его совсем. Она начала аккуратно переставлять коробки, делая вид, что проверяет опись, но Алексей знал: она здесь. На случай, если он вдруг сорвётся, если эти слова ударят слишком сильно.

И когда он наконец поднял глаза, она встретила его взгляд без жалости, без лишней мягкости — просто как наставник, который знает, что ученик только что сделал первый настоящий шаг.

Глава 7

Алексей медленно переворачивал страницы, и с каждым новым листом тяжесть в груди становилась не тяжелее — а определённое. Как будто хаос его воспоминаний постепенно складывался в узор. Он уже не просто читал чужие заметки — он узнавал собственные привычки: вот тут он всегда ставил точку чуть выше строки, вот здесь зачёркивал слово не один раз, а трижды, будто пытался стереть его из реальности.

И вдруг он замер. На развороте, почти в самом конце тетради, была схема, которую он не помнил, но которая отозвалась в нём мгновенно — будто рука сама знала, как её рисовать.

Это был не круг и не узел, а... воронка. Тонкие линии сходились в одну точку, но не обрывались, а закручивались внутрь, образуя спираль, похожую на водоворот. А вокруг неё шли короткие пометки: *«Точка опоры — не место. Это момент. Поймай момент, когда разлом дышит, и встань в такт. Не дави. Стань продолжением».*

Ниже, мелким почерком, будто Элиан писал уже на бегу, шла фраза, перечёркнутая, но всё ещё читаемая: *«Если не успею найти центр — пусть тот, кто придёт следом, попробует услышать дыхание мира. Оно там, где тишина звенит».*

Алексей провёл пальцем по спирали, чувствуя, как под кожей будто начинает вибрировать что-то давно забытое.

— Лира, — тихо позвал он, не поднимая головы. — Тут... тут не про то, как закрыть разлом. Тут про то, как стать с ним одним целым.

Лира подошла бесшумно, остановилась за его плечом, но не заглядывала через него, а ждала, пока он сам покажет.

— Покажи, — сказала она спокойно.

Он развернул тетрадь к ней, ткнул пальцем в схему.

— Вот это... это не рычаг. Это... настройка. Как настраивать музыкальный инструмент. Ты не ломаешь струну, ты ловишь её тон.

Лира наклонилась, всмотрелась в линии, и в её зелёных глазах мелькнуло то самое выражение, которое появляется у мастера, когда ученик наконец-то видит суть.

— Да, — выдохнула она, почти шёпотом. — Это «точка опоры». Техника архимагов. Они не борются с разломом — они становятся его частью на долю секунды. И в этот момент, когда ты с ним в резонансе, ты можешь не просто закрыть трещину, а перенастроить её так, чтобы она не появилась снова.

Она подняла взгляд на Алексея.

— Элиан был близок. Очень близок. Он понял, что точка опоры — это не место в пространстве, а момент времени. Дыхание разлома. Но он не успел проверить это на практике.

Алексей сжал край страницы, будто боялся, что она исчезнет.

— А если я попробую? Если я... попробую поймать этот

момент?

Лира чуть нахмурилась, и в этом движении не было ни поощрения, ни запрета — только холодная оценка риска.

— Это не упражнение для первого дня, — сказала она твёрдо. — Если ты ошибёшься с ритмом, разлом не просто не закроется — он может потянуть тебя внутрь. Архимаги годами учатся слышать эту тишину.

Но потом она чуть наклонила голову, будто что-то просчитала.

— Однако... у тебя есть преимущество. Ты уже делал это, сам того не зная. Каждый раз, когда касался ряби клинком и она на миг становилась чётче — ты ловил этот самый такт. Ты просто не удерживал его.

Алексей вспомнил: воду в ванне, дрожащую на одной ноте, клинок, который гудел, как струна, и голос Леры, зовущий его из темноты.

— Я могу попробовать удержать такт, — тихо сказал он, скорее себе, чем ей. — Я уже слышал эту ноту.

Лира помолчала, словно взвешивая каждое слово.

— Хорошо. Но не сегодня. Сегодня ты просто запомнишь эту схему. Запомнишь слова: «стань продолжением». Завтра мы пойдём к контролируемому разлому — тому, который Хранители держат под наблюдением. Там ты попробуешь не закрыть его, а просто... послушать. Без клинка. Без спешки. Просто почувствовать, когда он «дышит».

Алексей кивнул, не отводя взгляда от спирали. Теперь она

не казалась просто рисунком — она стала картой.

— А если я не смогу услышать?

Лира мягко, но уверенно накрыла ладонью край страницы, не закрывая схему, а как бы закрепляя её в реальности.

— Ты сможешь, — сказала она просто. — Потому что ты уже слышал. Ты просто думал, что это был сон.

Глава 8

Лира и Алексей до утра читали тетрадь. Лира время от времени поднимала глаза от страниц, проверяя, не погас ли в нём свет понимания, а Алексей будто боялся моргнуть — каждая строчка, каждая пометка, каждый перечёркнутый набросок теперь складывались в единую картину, и он не хотел, чтобы она рассыпалась.

Когда первые серые полосы рассвета легли на каменные плиты, Лира закрыла последнюю страницу и потянулась, разминая плечи. В зале вдруг стало слышно, как где-то далеко капает вода, и этот звук показался Алексею неестественно громким после долгих часов тишины.

— Хватит на сегодня, — сказала Лира, голос её звучал твёрдо, но в нём слышалась усталость. — Ты и так удержал больше, чем стоило бы в первый день. Теперь нужно дать мозгу разложить это по полкам.

Алексей хотел возразить, сказать, что он не устал, что ему нужно ещё пять минут, ещё одна страница, ещё одно слово, которое поставит всё на место. Но когда он попытался под-

нять руку, чтобы снова перевернуть лист, пальцы дрогнули, и он понял, что тело его уже не слушается.

— Иди поспи, — повторила Лира мягче, но так же непреклонно. — Не в коридоре, не сидя на табурете. По-настоящему. Комната для гостей на втором ярусе — ты её видел по дороге. Я скажу стражам, чтобы не тревожили.

Он кивнул, сам не веря, что соглашается, и пошёл, почти не чувствуя ног. Комната оказалась простой: узкая кровать, грубый шерстяной плед, окно без стекла, откуда тянуло прохладой. Алексей сел на край кровати, собираясь просто посидеть минуту, чтобы собраться с мыслями, но спираль из тетради тут же вспыхнула перед глазами — чёткая, звенящая, будто нарисованная не чернилами, а светом.

Он лёг, закрыл глаза, приказал себе не думать о схеме, не вспоминать фразы Элиана, не слышать этот странный гул, который теперь, казалось, шёл не извне, а изнутри него самого. Но стоило тишине сомкнуться вокруг, как спираль снова встала перед внутренним взором — и теперь она не была статичной. Она вращалась. Медленно, ровно, будто дышала.

«Поймай момент, когда разлом дышит, и встань в такт. Не дави. Стань продолжением».

Алексей резко сел, откинув плед. Он не мог просто лежать и ждать, пока сон придёт сам. Он встал у окна, вглядываясь в предрассветную мглу, и вдруг заметил то, чего раньше не замечал: воздух здесь был не таким, как в его мире. Он был гуще, плотнее, будто в нём плавали крошечные искры, кото-

рые вспыхивали и гасли, не давая разглядеть себя целиком.

И в этой густой тишине он услышал её — ту самую звенящую паузу, о которой писал Элиан. Не звук, а отсутствие звука. Как будто мир на долю секунды задерживал дыхание.

Алексей замер, стараясь не спугнуть этот момент. Он не тянулся за клинком, не пытался ничего «починить». Он просто стоял и слушал. И когда пауза повторилась — ровно, ритмично, как биение сердца, — он вдруг понял: это и есть дыхание разлома. Маленький, почти незаметный, он жил прямо здесь, в пространстве между стеной и окном, и пульсировал в своём собственном ритме.

Он сделал шаг вперёд, не к разлому, а как бы в такт ему. И в тот момент, когда тишина снова сгустилась, Алексей прошептал про себя: *«Я — продолжение»*.

На миг ему показалось, что воздух вокруг стал ещё плотнее, что искры замерли, выстроившись в тонкую линию, повторяющую изгиб той самой спирали из тетради. Он протянул руку, не касаясь ничего, и почувствовал, как эта линия отозвалась — не ударом, не холодом, а тёплым, едва уловимым прикосновением, будто кто-то тихо кивнул ему в ответ.

Но удержать этот такт дольше нескольких секунд он не смог. Линия рассыпалась, искры снова заплясали хаотично, а тишина вернулась обычной, без этого звенящего оттенка. Алексей опустил руку и глубоко выдохнул, только сейчас осознав, что всё это время не дышал.

В дверях стояла Лира. Она не вошла, не сделала резких

движений — просто стояла и смотрела на него.

— Ты пытался поймать такт, верно? — спросила она, чуть склонив голову.

Алексей кивнул, не пытаясь оправдываться.

— Да. Я не мог уснуть. А потом я... услышал. Совсем чуть-чуть.

Лира подошла на шаг ближе, но всё ещё держалась на расстоянии, будто боялась спугнуть это хрупкое понимание.

— Расскажи, что именно ты почувствовал, — попросила она, и в её голосе не было ни упрёка, ни восторга — только чистое, внимательное любопытство наставника.

Алексей задумался, подбирая слова, чтобы не превратить важное в пустую метафору.

— Это была не рябь, не холод... Это был ритм. Как будто мир делает вдох и на секунду замирает. И в эту секунду... в ней есть линия. Тонкая, будто из света. Я попробовал встать с ней в такт, и она... ответила. Совсем коротко.

Лира чуть прищурилась, словно мысленно сопоставляла его слова с тем, что знала сама.

— Значит, ты не пытался закрыть разлом, — тихо сказала она скорее себе, чем ему. — Ты попробовал его услышать. Это самое трудное в начале.

Она подняла взгляд на Алексея.

— И теперь ты понимаешь, почему я не хотела, чтобы ты пробовал это сегодня. Если бы ты попытался удержать такт дольше, чем мог, разлом мог потянуть тебя за собой. Но то,

что ты сделал сейчас — это не ошибка. Это первый настоящий шаг.

Алексей снова посмотрел в окно. Рассвет уже не был серым — он наливался золотистым светом, и даже воздух казался чище, будто после этой короткой настройки мир стал чуть более правильным.

— А что дальше? — спросил он, не оборачиваясь.

Лира подошла и встала рядом, глядя туда же, куда и он.

— Дальше ты поспишь, — твёрдо сказала она, но теперь в её твёрдости было больше заботы, чем приказа. — Настоящие тренировки начинаются не на измотанном теле. А когда проснёшься, мы пойдём к тому самому контролируемому разлому. И ты попробуешь услышать его ритм уже осознанно. Не случайно. Не в полусне. А как Хранитель, который знает, что делает.

Алексей ещё раз глубоко вдохнул, чувствуя, как усталость наконец-то накрывает его, но уже не как тяжесть, а как мягкое одеяло. Он вернулся к кровати, лёг и закрыл глаза. На этот раз спираль не вспыхнула перед ним — она тихо кружилась где-то на краю сознания, уже не тревожа, а успокаивая.

Глава 9

Алексей провалился в сон почти мгновенно — и всё же это не было обычным забытием. Мир не стёрся, не рассыпался в бессвязные обрывки, а словно сдвинулся на полтона, и Алексей вдруг оказался не в гостевой комнате, а на краю

огромной пропасти, где воздух звенел от напряжения, будто его натянули, как струну.

Перед ним стоял он сам — или не он, а Элиан: тот самый, каким Алексей видел его в старых записях Совета — собранный, с тёмными кругами под глазами, но с поразительной ясностью во взгляде. В руках у него была не клинок, а тонкая нить света, которая тянулась в бездну разлома и исчезала в ней, не обрываясь.

— Я нашёл центр, — голос Элиана звучал не снаружи, а будто внутри головы Алексея, одновременно и его, и чужим. — Держи линию. Не дай ей порваться. Если она оборвётся, мир начнёт сыпаться по швам, и тогда уже ни клинком, ни силой ничего не исправить.

Алексей хотел шагнуть к нему, спросить, что это за центр, как его удержать, но ноги будто приросли к камню. Он мог только смотреть, как Элиан тянет нить, как она вибрирует, отзываясь на каждый вздох, и как в такт ей дрожит сам воздух.

— Не пытайся победить разлом, — продолжал Элиан, не оборачиваясь, будто знал, что Алексей здесь, даже если не может подойти ближе. — Пытайся стать его ритмом. Когда ты слышишь, как он дышит, ты можешь вести его, как ведут упрямую лошадь: не силой, а терпением. Один неверный шаг — и он потянет тебя за собой. Но если ты устоишь... если ты просто будешь стоять и держать такт... тогда ты сможешь перешить ткань.

И тут Алексей увидел то, чего не замечал раньше: вокруг Элиана, как ореол, кружилась та самая спираль из тетради, но не как рисунок, а как живая форма. Она не стояла на месте — она двигалась, пульсировала, подстраиваясь под ритм нити. И каждый её виток будто отмечал удар сердца мира.

Элиан наконец обернулся, и на миг Алексей увидел в его глазах не только свою решимость, но и ту самую усталость, которую он так долго прятал от всех.

— Ты сможешь, — сказал он, и в этих словах не было ободрения, а была простая констатация факта, тяжелее любого приказа. — Потому что ты уже слышишь. Ты просто боялся поверить, что это не сон.

Нить в его руке дрогнула, и по ней пробежала короткая вспышка, как от разряда. Элиан чуть нахмурился, будто почувствовал что-то неладное, и уже открыл рот, чтобы сказать ещё что-то, но в этот момент линия света надломилась. Не порвалась — а изогнулась, как сломанное ребро, и из излома хлынул холод, который Алексей почувствовал даже сквозь сон.

— Держи линию! — крикнул Элиан, но крик утонул в гуле разлома.

Спираль вокруг него начала рассыпаться на отдельные искры, и в тот миг, когда тьма почти накрыла фигуру Элиана, Алексей рванулся вперёд, сам не понимая как, и протянул руку. Он не успел коснуться нити, не успел подхватить её — но на долю секунды он почувствовал её ритм, услышал, как

она должна звучать, если её не ломать, а вести.

А потом мир рухнул в тишину.

Глава 10

Алексей резко сел на кровати, хватая ртом воздух, будто только что вынырнул из ледяной воды. Сердце колотилось где-то в горле, а перед глазами ещё дрожали последние искры той спирали. Он провёл дрожащей рукой по лицу, пытаясь стряхнуть остатки видения, но ощущение ритма осталось — оно пульсировало где-то под кожей, как эхо.

В дверях стояла Лира. На этот раз она не пыталась выглядеть спокойной — её поза была собранной, почти напряжённой, будто она уже знала, что ему приснился не обычный сон.

— Ты кричал во сне, — тихо сказала она, не входя в комнату. — Всего одно слово: «держи». Что ты видел?

Алексей сглотнул, подбирая слова, чтобы не превратить важное в путаницу.

— Я видел его, — выдохнул он. — Элиана. Он стоял у огромного разлома и держал линию света. И он говорил... он говорил, что нужно не побеждать разлом, а становиться его ритмом. Что если линия порвётся, мир начнёт рассыпаться.

Лира медленно кивнула, будто эти слова не были для неё новостью, а лишь подтверждали то, что она давно подозревала.

— Это техника «перешивки», — прошептала она, и голос её звучал непривычно глухо. — Её пытались освоить только самые сильные архимаги, и почти все они... не вернулись.

Элиан был одним из немногих, кто понял, как держать линию, но даже ему не хватило времени довести это до конца.

Она сделала осторожный шаг вперёд, а потом остановилась, будто напоминая себе, что сейчас важнее не близость, а ясность.

— Что ещё он тебе сказал?

— «Ты сможешь, потому что ты уже слышишь». И ещё... он сказал, что нельзя ломать разлом. Нужно вести его, как упрямую лошадь — терпением, а не силой.

Лира на секунду прикрыла глаза, будто перебирая в памяти старые отчёты, старые предупреждения, старые трагедии. Когда она снова посмотрела на Алексея, в её взгляде не было ни жалости, ни снисхождения — только холодная собранность наставника.

— Значит, он успел передать тебе самое главное, — сказала она уже твёрже. — Не как закрывать дыры, а как не давать им появляться. Это и есть суть работы настоящего Хранителя.

Алексей опустил взгляд на свои руки, будто ожидал увидеть на них следы той светящейся нити.

— А что случилось потом? — спросил он хрипло. — В конце... линия надломилась. И он будто почувствовал, что что-то идёт не так.

Лира глубоко вздохнула, и в этом вздохе чувствовалась тяжесть долгих объяснений, которых раньше удавалось избегать.

— То, что ты видел, — это последний день Элиана, — тихо призналась она. — Или один из его последних дней. Он пытался удержать линию, когда разлом начал вести себя непредсказуемо. И в какой-то момент... он не смог её удержать.

Она помолчала, давая ему время переварить это.

— Но ты увидел не поражение, Алексей. Ты увидел, как это должно работать. И ты почувствовал ритм. Это больше, чем знали многие, кто учился годами.

Он снова посмотрел на окно. Рассвет теперь казался не просто светом — он был наполнен движением, тонкими вибрациями, которые раньше оставались незамеченными.

— Я хочу попробовать, — вдруг сказал Алексей, и в его голосе не было прежней неуверенности. — Не закрывать разлом, а... вести его. Как он говорил.

Лира долго смотрела на него, словно взвешивая не только его готовность, но и собственную ответственность. Потом она чуть приподняла подбородок — не в горделивом жесте, а так, как делают, когда принимают решение и больше не собираются его пересматривать.

— Хорошо, — наконец произнесла она. — Но не сегодня. Сегодня ты будешь учиться замечать ритм в малом: в дрожании воды, в мерцании тени, в паузе между ударами сердца. А когда ты сможешь удерживать этот такт хотя бы минуту — мы подойдём к настоящему разлому. И будем держать линию. Вместе.

Алексей кивнул, чувствуя, как страх понемногу уступает место чему-то новому — не азарту, а спокойному, холодно-му пониманию: теперь у него есть не только сила, но и цель. И даже если путь будет тяжёлым, он больше не будет делать вид, что это просто работа.

Глава 11

Рассвет уже разогнал тени по углам, но в коридорах Зала Совета всё ещё держался тот особенный сумрак — густой, будто сотканный из старых секретов. Лира остановилась у тяжёлой двери из тёмного дерева, украшенной выцветшими рунами, и обернулась к Алексею.

— Ну что, хватит сидеть над записями, — сказала она, чуть приподняв бровь, и в её голосе прозвучала не строгость, а та самая собранность, которая появлялась у неё перед чем-то важным. — Теперь потренируемся. Теория без практики — как клинок без заточки: выглядит грозно, а в деле бесполезен.

Алексей кивнул, но на мгновение задержал взгляд на Лире. В утреннем свете её волосы отливали бронзой, а строгий кожаный доспех, плотно облегающий плечи, подчёркивал не столько воинственность, сколько безупречную собранность. В ней не было показной силы — она держалась так, будто сама была частью этого места, его опорой и памятью. Алексей поймал себя на мысли, что рядом с ней даже тишина становилась увереннее.

Он тут же одёрнул себя: сейчас не время для восхищений. Сейчас нужно было сосредоточиться, чтобы не подвести её ожидания.

— Готов? — Лира толкнула дверь, и та открылась с тихим, почти уважительным скрипом.

За ней оказался тренировочный полигон — не просторный зал, а скорее вытянутая площадка, огороженная каменными плитами. Воздух здесь пах металлом, сухой землёй и чем-то ещё, едва уловимым, похожим на запах грозы. В центре мерцала лёгкая рябь — маленький, приручённый разлом, который Хранители использовали для упражнений. Он не пытался прорваться, но и не затихал: он будто ждал, когда кто-то обратит на него внимание.

Лира остановилась рядом, скрестив руки на груди. Её взгляд стал пристальным, без прежней мягкости.

— Ты уже видел сны, — начала она, и в голосе не было насмешки, только суровая сосредоточенность. — Значит, связь есть. Теперь нужно перевести это в действие.

Алексей сжал в руках тренировочный клинок — лёгкий, но ощутимый в ладони. Металл чуть охлаждал пальцы, и это ощущение помогало держаться за реальность.

— Сначала — контроль, — Лира сделала шаг вперёд, демонстрируя базовую стойку. Её клинок замер в положении, где лезвие чуть отведено, а центр тяжести смещён. — Ты должен чувствовать оружие, а не бояться его. Дыши ровно.

Он попытался повторить. Клинок дрогнул.

— Не сжимай рукоять до белизны, — Лира мягко забрала у него оружие и вернула обратно, чуть поправив хват. — Сила идёт от корпуса, а не от кисти. Попробуй снова, но представь, что клинок — это продолжение твоей руки.

Алексей закрыл глаза. В голове снова всплыл образ спирали из тетради. Он попытался «услышать» её ритм, как в сне, и одновременно держать линию клинка. На миг ему показалось, что движение получилось плавнее.

— Вижу прогресс, — Лира слегка расслабила плечи. — Но пока это танец вслепую. Давай попробуем связать движение с тем, что ты чувствуешь. Представь, что спираль — это не рисунок, а пульс. Каждый виток — удар сердца мира. Попробуй вести клинок в такт этому пульсу.

Он открыл глаза. В этот момент Лира резко сделала выпад — не атакующий, а обучающий, чтобы проверить реакцию. Алексей инстинктивно отступил, и клинок просвистел в сантиметре от его плеча.

— Хорошо, что сработал рефлекс, — Лира чуть усмехнулась, но в глазах не было раздражения. — Но в следующий раз постарайся не отпрыгивать, а слиться с движением. Поймай ритм.

Она показала ещё несколько связок — плавных, почти танцевальных. Алексей следовал за ней, сначала механически, потом всё увереннее. В какой-то момент он поймал этот баланс: не боролся с импульсом, а становился его частью.

— Ты делаешь шаг, а клинок завершает движение сам, —

Ли́ра остано́вилась, и в её го́лосе прозвучала нотка гордо́сти.
— Это оно. Ты начинаешь слышать систему.

Алексе́й улы́бнулся. Впервы́е за долго́е вре́мя он чувство́вал, что ко́нтролирует си́туацию, а не наобо́рот.

— Продол́жим? — спроси́л он.

Ли́ра кивну́ла, но в её взгля́де мелькну́ло что-то но́вое — не то́лько учи́тельское, но и осто́рожное до́верие.

— То́лько те́перь я хо́чу, что́бы ты по́пробовал про́вести ли́нию без кли́нка. Просто по́чувствуй по́ток.

Он за́мер. В го́лове снова за́звучала спи́раль. На э́тот раз, ко́гда Ли́ра да́ла ко́манду, он по́зволил се́бе «ви́деть» ни́ть си́лой мы́сли. На ми́г пе́ред гла́зами де́йстви́тельно про́ступи́ла то́нкая све́тящаяся ли́ния — та са́мая, из сна.

— Ви́дела? — выдо́хнул он.

Ли́ра нахму́рилась, но в гла́зах го́рел аза́рт.

— Э́то ра́ботает, — при́знала она. — Но по́ка хрупко́. Нужно укре́пить свя́зь.

Они ве́рнулись к кли́нку, но те́перь в ка́ждом дви́жении бы́ла э́та но́вая ни́ть — не про́сто те́хника, а ди́алог ме́жду тем, что Алексе́й чувство́вал вну́три, и тем, что тре́бовало́сь сна́ружи.

Глава 12

Они снова разо́шлись по пло́щадке, отраба́тывая свя́зки: шаг, пово́рот, мягкий пере́нос ве́са, ли́ния кли́нка, бу́дто ри́сующая не́видимый узо́р в возду́хе. Алексе́й уже не ду́мал о

каждом движении отдельно — он старался держаться за тот самый ритм, который слышал внутри: спираль, пульс, такт, в котором мир на долю секунды замирал и снова начинал дышать.

Ли́ра двигалась легко, почти беззвучно, и в этой лёгкости была не небрежность, а отточенность — каждое её движение было настолько правильным, что казалось, будто пространство само подстраивается под неё. Алексей ловил себя на том, что следит не только за её клинком, но и за тем, как она держит спину, как чуть наклоняет голову перед выпадом, как её тень скользит по каменным плитам, никогда не отставая и не забегая вперёд.

В какой-то момент они снова сошлись в короткой связке, и Ли́ра, сделав плавный разворот, оказалась к нему чуть боком. Доспех на миг чуть съехал, обнажив полоску кожи у основания шеи и ключицы — и там, прямо на груди, Алексей заметил татуировку. Маленький завиток, похожий на свёрнутую спираль, но при ближайшем рассмотрении в нём угадывались линии, знакомые до дрожи — точно такие же, как в записях Элиана. Те самые, что обозначали «точку опоры». По краю спирали шли крошечные насечки, напоминавшие ноты, будто кто-то записал ритм прямо на её коже.

Он чуть замедлился, сбился с такта, и клинок дрогнул.

— Не теряй линию, — спокойно напомнила Ли́ра, не останавливаясь, но её голос прозвучал мягче, чем обычно. — Не смотри на меня, смотри на движение.

Но Алексей уже не мог отвести взгляд от этого знака. Он сделал ещё один шаг, стараясь не выдать, что его что-то зацепило, и, когда Лира снова повернулась, он успел разглядеть деталь: татуировка не была просто рисунком — она будто жила, едва заметно пульсируя в такт дыханию, словно повторяла тот самый ритм, о котором говорил Элиан.

Когда они снова разошлись, и Лира остановилась, чтобы дать ему короткую передышку, Алексей не выдержал:

— Этот знак... на твоей груди. Я видел его в записях Элиана. В тех самых заметках про «точку опоры». Это... совпадение?

Лира опустила клинок, но не убрала его в ножны. Вместо этого она на мгновение коснулась татуировки пальцами — так легко, будто проверяла, на месте ли она. На её лице промелькнуло выражение, которое Алексей раньше не видел: не строгость и не усталость, а что-то личное, спрятанное глубоко.

— Это не совпадение, — тихо сказала она, и в её голосе вдруг не стало учительской твёрдости. Только спокойная правда. — Это печать архимага. Её наносят не на доспех, а на тело — чтобы она всегда была с тобой. Тот, кто носит её, берёт на себя ответственность держать линию, даже если она начнёт рваться.

Алексей невольно сглотнул.

— Значит, ты... тоже пыталась освоить «перешивку»?

Лира чуть покачала головой, будто отбрасывая слишком

громкое слово.

— Я не архимаг, — сказала она ровно. — Я Хранитель. Но я была рядом с теми, кто пытался. И когда один из них не смог удержать линию... я пообещала себе, что, если когда-нибудь появится тот, кто сможет слышать ритм, — я помогу ему не повторить их ошибок.

Она подняла взгляд, и в нём не было ни гордости, ни пафоса — только холодная решимость.

— Элиан носил этот знак. И он верил, что однажды появится тот, кто услышит не только разлом, но и тишину между ударами. Ты сегодня впервые начал её слышать, Алексей. Не потому, что ты сильнее или быстрее. А потому что ты не пытаешься заглушить этот ритм.

Алексей опустил клинок, но не отпустил рукоять. Ему вдруг стало ясно, почему Лира была с ним такой строгой, почему не позволяла торопиться и не давала сразу броситься к большому разлому. Она не просто учила его технике — она берегла его от той же пропасти, в которую шагнули другие.

— А эта татуировка... она как-то помогает? Или это просто знак?

Лира снова коснулась её, на этот раз чуть увереннее.

— Она не даёт силы, — сказала она. — Она напоминает о цене. Каждый раз, когда я её чувствую, я вспоминаю, что линия держится не на стали и не на магии. Она держится на выборе. И на терпении.

Она сделала паузу, будто давая ему время уложить это в

голове, а потом снова подняла клинок.

— Теперь давай вернёмся к делу. Ты уже чувствуешь ритм. А теперь научись держать его, даже когда боишься ошибиться.

Они снова встали друг напротив друга. На этот раз Алексей смотрел не на клинок Лир и не на её движения, а на этот маленький знак, который теперь казался ему не украшением, а компасом. И каждый раз, когда он сбивался, он мысленно возвращался к нему — и снова находил такт.

Глава 13

Алексей снова попытался повторить связку: шаг, разворот, клинок описывает плавную дугу, будто чертит невидимую спираль в воздухе. Но стоило Лире повернуться чуть боком, как его взгляд снова цеплялся за татуировку. Не нарочно, не из любопытства — она будто сама притягивала взгляд, пульсируя в такт его сбившемуся дыханию. Он снова сбился, клинок ушёл в сторону, линия сломалась.

Лира не стала делать выпад. Вместо этого она резко шагнула вперёд и схватила его запястье — не грубо, но твёрдо, так, что любое движение стало невозможным.

— Хватит, — сказала она, глядя ему прямо в глаза, и в её голосе не было раздражения, а была усталость от того, что приходится объяснять очевидное. — Ты смотришь не туда. Эта татуировка — не украшение, не загадка и не маяк для тебя. Это шрам, который я ношу, чтобы помнить, что бывает,

когда теряешь такт.

Алексей застыл. Он хотел извиниться, хотел сказать, что не хотел ничего такого, но слова застряли в горле.

Лира чуть ослабила хватку, но запястье не отпустила.

— Я получила её не в честь посвящения, — тихо сказала она, будто говорила не ему, а самой себе, и этот тон был для Алексея страшнее любого крика. — Я получила её в тот день, когда стояла рядом с архимагом, который пытался удержать линию. Его звали Каэрон. Он был лучшим из нас. Спокойный, точный, он никогда не торопился и никогда не ошибался. До того дня.

Она помолчала, будто снова видела ту сцену: зал, мерцающую линию, дрожащий свет.

— Он держал ритм три минуты. Три минуты — это вечность, когда ты стоишь на грани разлома. Мы все верили, что он сможет. А потом... он на долю секунды сбился. Всего один миг, когда он подумал не о такте, а о том, как страшно будет, если линия порвётся. И этого хватило. Линия дрогнула, потом изогнулась, и разлом потянул его внутрь.

Алексей сглотнул. Он вдруг понял, почему Лира так безжалостно гоняла его на тренировках, почему не позволяла спешить, почему каждый раз требовала: «Держи такт, не смотри на результат».

— Я стояла в двух шагах от него, — продолжила Лира, и её голос стал ровным, будто она перечисляла факты, а не свою самую горькую правду. — И я ничего не могла сделать.

Ни силой, ни магией, ни криком. Потому что ритм — это не то, что можно вырвать у мира. Его можно только услышать. А я его не слышала. Тогда.

Она наконец отпустила его запястье, но тут же коснулась татуировки — не как символа, а как чего-то очень личного.

— Когда всё кончилось, я пошла к мастеру, который ставит эти знаки. Я не просила силы. Я просила напоминание. Чтобы каждый раз, когда я буду стоять перед разломом, я помнила: линия держится не на мышцах и не на воле. Она держится на тишине. На том, что ты не делаешь лишнего шага.

Алексей медленно опустил клинок. Теперь татуировка не казалась ему ни загадкой, ни украшением. Это был след чужой ошибки, чужой боли, и Лира носила его, чтобы не повторить её снова.

— Прости, — тихо сказал он. — Я не понимал...

Лира покачала головой.

— Не извиняйся. Ты не мог знать. Но теперь знаешь. И теперь ты должен смотреть не на знак, а на ритм. Не на прошлое, а на тот такт, который есть прямо сейчас.

Она сделала шаг назад, снова встала в стойку, клинок замер в её руке, лёгкий и смертоносный одновременно.

— Давай ещё раз. Тот же шаг. Тот же поворот. Но на этот раз не пытайся увидеть узор. Пытайся услышать паузу между движениями. Она там. Прямо перед тобой.

Алексей глубоко вдохнул. Он закрыл глаза на секунду,

чтобы стряхнуть лишние образы, и открыл их уже с другим намерением. Не искать узор. Слышать тишину.

Он сделал шаг. Разворот. Клинок описал дугу — и на этот раз линия не дрогнула. Она легла ровно, будто сама нашла своё место в воздухе.

Лира едва заметно кивнула.

— Вот так, — сказала она спокойно, но в этом спокойствии звучала настоящая гордость. — Не идеально, но ты не боролся с движением. Ты позволил ему быть.

Алексей улыбнулся — коротко, без хвастовства просто потому, что наконец-то почувствовал, что делает всё правильно.

— Ещё раз? — спросил он.

Лира снова подняла клинок.

— Ещё десять раз. Пока этот такт не станет твоим вторым дыханием.

Глава 14

Алексей уже не пытался механически копировать Лире — он искал тот самый такт, который теперь будто висел в воздухе, осязаемый, как тонкая вибрация. Он не считал движения, не раскладывал связку на шаги и развороты — он просто тянулся к этой тишине, стараясь не спугнуть её лишним усилием.

Лира наблюдала, и в её взгляде было не ожидание ошибки, а напряжённое внимание, будто она прислушивалась не

к клинку, а к чему-то невидимому. Когда он снова провёл дугу, она не спросила, что он почувствовал, — она просто кивнула, как человек, который долго ждал подтверждения и наконец его получил.

— Ты перестал бороться с ритмом, — сказала она ровно, без похвалы, но с той особой весомостью, когда слова значат больше, чем любые аплодисменты. — Теперь ты его ведёшь. Пусть на несколько секунд. Но это уже твой такт.

Алексей опустил клинок, но не расслабил плечи. В груди не было ликования — только спокойная собранность, будто он наконец-то встал на твёрдую землю после долгого качания на волнах.

Он снова поднял взгляд на Лиру — и в тот же миг заметил, как татуировка на её груди на долю секунды вспыхнула чуть ярче. Не как свет, а как отзвук: будто сама тишина отозвалась на то, что он только что сделал.

Лира перехватила его взгляд, но на этот раз не одёрнула, не потребовала смотреть на движение. Она будто позволила ему увидеть этот отклик — и принять его как часть урока.

— Да, — тихо подтвердила она, словно продолжая его мысль, хотя он ничего не сказал. — Она отзывается. Не на силу. На такт. Если ты сбиваешься, она будет тускнеть. Если ты попадаешь в паузу — она даёт отклик. Это не магия, которая делает тебя сильнее. Это зеркало, которое показывает, слышишь ли ты мир.

Алексей медленно кивнул. Теперь он понимал: татуиров-

ка — не украшение, не знак власти, не загадка. Это индикатор. Как стрелка компаса, которая дрожит, когда ты сходишь с верного курса.

— А если я не буду смотреть на неё? — спросил он, пробуя новую мысль на вкус. — Если я попробую почувствовать этот отклик... внутри?

Лира чуть приподняла бровь — не насмешливо, а с интересом, как наставник, который слышит в вопросе не наивность, а зерно настоящего понимания.

— Именно это и нужно, — сказала она. — Смотреть на неё — это костыль. Хороший костыль, когда ты только учишься стоять. Но рано или поздно придётся идти без него. Попробуй сейчас: закрой глаза. Не на долго. Просто на один такт. Услышь, как меняется воздух, когда ты попадаешь в паузу. И если татуировка отзовется — ты почувствуешь это не зрением. А кожей. Как лёгкое тепло.

Алексей послушно прикрыл глаза. Вокруг сразу стало громче: скрип камня, далёкий шорох ветра в проёмах, собственное дыхание, которое вдруг показалось слишком шумным. Он постарался отодвинуть всё лишнее, оставить только ту звенящую тишину, которая возникала между движениями.

И вдруг он её услышал. Не как отсутствие звука, а как присутствие чего-то очень важного. Паузу, в которой мир будто задерживал дыхание. Он сделал движение — не глядя, не считая, просто позволяя руке и телу найти нужную ли-

нию. Клинок прошёл дугу, и в тот момент, когда движение завершилось, Алексей действительно почувствовал это: лёгкое, едва уловимое тепло где-то в груди, как тихий кивок.

Он открыл глаза. Лира смотрела на него без улыбки, но в её глазах было то, чего он раньше не видел, — не строгость и не усталость, а уважение.

— Ты поймал, — сказала она не как вопрос, а как факт, который нельзя оспорить. — Без опоры. Без взгляда. Только на слухе.

Алексей глубоко вдохнул. В груди было не торжество, а новое, непривычное чувство: он больше не ученик, который пытается не упасть. Он — тот, кто держит линию. Пусть пока тонкую, как паутина. Но свою.

— Ещё раз? — спросил он спокойно.

Лира кивнула, и на этот раз в её жесте было не требование, а приглашение идти дальше.

Глава 15

Полигон будто выдохнул вместе с ними: рябь на разломе стала тише, будто сама ткань мира на миг прислушалась и решила не мешать. Лира опустила клинок, но не убрала его — просто позволила лезвию повиснуть в руке, тяжёлом и спокойном, как последнее слово в долгом разговоре.

— Хватит, — сказала она, и в этом слове не было усталости, а была твёрдость человека, который знает цену каждой лишней секунде. — Ты поймал такт. Этого достаточно,

чтобы не сломать линию с перепугу. А большего сейчас и не нужно.

Алексей хотел было возразить, сказать, что может ещё, что он готов держать ритм хоть час, хоть два, хоть до темноты. Но он не успел. Лира уже повернулась к выходу, и в её походке не было ни спешки, ни суеты — только собранность, с которой идут туда, где нельзя опоздать.

— В северной башне снова пошла трещина, — бросила она через плечо, не замедляя шага. — Не мелкая, как те, что мы закрывали в прошлом месяце. Эта дышит по-другому. Я чувствовала её ещё утром, но хотела, чтобы ты не шёл туда слепым. Теперь ты не слепой.

Алексей сжал рукоять клинка, и на этот раз это было не попыткой удержать движение, а привычным жестом опоры. Он не спрашивал, почему именно сейчас, почему нельзя было подождать ещё день. Он уже знал ответ: разломы не ждут, когда ученик будет готов. Они рвут ткань мира тогда, когда хотят.

Они шли по коридорам Зала Совета — мимо старых гобеленов, мимо ниш с потускневшими статуями, мимо дверей, за которыми сейчас спали или бодрствовали другие Хранители. Здесь, в глубине камня, воздух был плотнее, будто сам дом помнил все разломы, которые когда-либо чинили в его стенах.

Лира остановилась у тяжёлой двери, покрытой железными полосами и рунами, которые тускло мерцали, как осты-

вающие угли. Она не стала её распахивать — вместо этого приложила ладонь к дереву, закрыла глаза на секунду и будто прислушалась к чему-то, что мог слышать только тот, кто давно держит линию.

— Она здесь, — тихо сказала Лира, не убирая руки. — Трещина не просто ползёт по стене. Она ищет выход. Если мы не встанем в такт до заката, она начнёт тянуть за собой соседние слои. И тогда одной тренировочной рябью мы не отделаемся.

Алексей посмотрел на дверь, будто мог сквозь неё увидеть ту самую паузу, ту самую тишину, которую ему только что удалось поймать. Он вдруг понял, что всё, чему он учился последние дни — не ради красивых движений и не ради того, чтобы впечатлить наставницу. Это было ради вот этого момента: когда нужно встать перед настоящей трещиной и не дать ей стать разломом.

Лира наконец убрала ладонь и посмотрела на него. В её взгляде не было ни проверки, ни испытания. Только спокойный расчёт и что-то ещё — то самое осторожное доверие, которое не дарят сразу, а выдают по крупницам.

— Ты не будешь закрывать её силой, — сказала она ровно. — Ты будешь держать такт. Я встану с одной стороны, ты — с другой. Мы не будем тянуть ткань, мы будем её вести. Как упрямую лошадь: не силой, а терпением. Если почувствуешь, что линия дрожит, — не дёргайся. Просто скажи. Я подхвачу.

Алексей кивнул. Слова сейчас были лишними. Он уже слышал её: ту самую звенящую паузу, которая висела прямо за этой дверью. Она была не такой, как на полигоне. Она была настоящей — холодной, тяжёлой, почти злой.

Лира толкнула дверь. Та открылась без скрипа, будто знала, кто пришёл, и не хотела мешать.

За ней была круглая комната с высоким куполом. В центре её, прямо в каменной кладке, шла трещина — не ровная, а рваная, как след когтя. Она пульсировала, то сжимаясь, то расширяясь, и каждый её вздох тянул за собой воздух, делая его гуще, тяжелее. Вдоль краёв трещины мерцали тонкие линии — не свет, а отсутствие света, как будто мир на секунду забывал, как быть целым.

Лира прошла вперёд и встала у левого края, не глядя на Алексея, но давая ему понять, где его место. Он шагнул к противоположному краю, чувствуя, как пол под ногами будто чуть-чуть смещается, подстраиваясь под ритм трещины.

Он остановился, закрыл глаза на мгновение — не чтобы отдохнуть, а чтобы услышать. И тут же нашёл её: ту самую паузу. Не тишину, а дыхание разлома. Оно было неровным, сбивчивым, будто трещина сама не знала, куда рваться.

Когда Алексей снова открыл глаза, Лира смотрела на него. Не строго, не с упрёком — просто ждала.

— Я слышу, — тихо сказал он, и эти два слова прозвучали как клятва.

Лира едва заметно кивнула.

— Тогда держи такт. Не давай ей ускориться. Если она начнёт тянуть — не сопротивляйся. Веди.

Алексей глубоко вдохнул, стараясь не смешивать своё дыхание с дыханием трещины. Он не тянулся к ней клинком, не пытался «починить» её ударом. Он просто встал в тот самый ритм, который только что научился слышать. Шаг не нужен. Движение не нужно. Нужно было только одно — быть продолжением этой паузы.

И когда трещина снова дрогнула, он не отшатнулся. Он позволил себе стать тем, кто держит линию. Пусть пока только на несколько секунд. Пусть пока только здесь.

Трещина замерла. На долю мгновения её рваные края будто стали чуть ровнее, чуть спокойнее. Паузу стало слышно яснее — не как отсутствие звука, а как присутствие чего-то правильного.

Лира не улыбнулась. Но в её глазах мелькнуло то, чего Алексей раньше не видел, — не гордость, а облегчение.

— Хорошо, — сказала она так же тихо, как и раньше, но теперь в этом «хорошо» было больше, чем похвала. В нём была надежда.

Глава 16

Трещина снова дёрнулась — не как раньше, с тяжёлым вздохом, а резко, будто кто-то рванул ткань мира за край. Алексей не успел даже подумать, просто почувствовал, как линия, которую он держал, вдруг перестала быть неподвиж-

ной опорой — она превратилась в натянутую струну, которая звенит от напряжения и норовит сорваться.

И в тот миг, когда такт чуть дрогнул, его потянуло вперёд. Не рывком, не грубой силой — а так, будто пол под ногами исчез, и осталась только эта звенящая нить, которая теперь вела его туда, куда ей хотелось.

На несколько секунд реальность сдвинулась.

Он не провалился — он как будто выглянул за край. Перед глазами не было комнаты, не было купола, не было Лиры. Был другой мир: серый, безжизненный, сотканный из рваных теней, где воздух был густым, как смола, и каждый вдох давался с трудом. По этому миру тянулись такие же трещины — тысячи, миллионы, они сплетались в сеть, похожую на вены, и по ним бежало что-то тёмное, живое, голодное. Где-то вдалеке, за пределами зрения, слышался низкий гул — не звук, а ощущение, будто сама пустота стонет от напряжения.

Алексей увидел их — демонов. Не как чудовищ из сказок, а как сгустки тьмы, которые скользили вдоль трещин, будто проверяли, где ткань тоньше, где вот-вот порвётся. Они не смотрели на него, но он чувствовал их внимание — холодное, равнодушное, как взгляд хищника, который ещё не решил, стоит ли тратить силы на мелкую добычу.

А потом он услышал голос — не снаружи, а внутри, как эхо того самого приказа, который когда-то прозвучал во сне: «Держи линию!»

Это был не голос Лиры. И не голос Элиана. Это был его

собственный голос, тот, что умел говорить твёрдо, даже когда страшно.

Он рванулся назад — не телом, а намерением. Он не пытался вырваться силой, он просто вспомнил тот самый такт, ту самую паузу, в которой мир ещё был целым. Он снова встал в ритм, как в стойку перед боем: не сопротивляясь, а ведя.

Мир щёлкнул, как сломанная пружина, которая вдруг встала на место. Серый пейзаж растаял, оставив после себя только лёгкое послевкусие холода и ощущение, что он заглянул туда, куда не должен был.

Алексей снова стоял у трещины. Перед ним была Лира. Её лицо было напряжённым, пальцы побелели на рукояти клинка, но она не двигалась — только держала линию, не давая ей ускользнуть.

— Не отпускай, — выдохнула она, и в этом приказе не было гнева, только холодная необходимость. — Ещё немного. Держи такт.

Он кивнул, не пытаясь ничего объяснить. Слова бы не успели. Но он понял главное: трещина не просто рвала ткань — она показывала, что ждёт по ту сторону, если линия порвётся.

Трещина снова попыталась дёрнуться, снова потянула его за собой, но на этот раз он был готов. Он не смотрел в провал. Он слушал паузу. И когда разлом хотел сбить его с ритма, Алексей не сопротивлялся — он просто стоял и не давал

такту ускориться. Как будто держал в руках невидимую нить и не позволял ей запутаться.

Лира медленно, очень медленно, начала смещаться вдоль трещины, не разрывая связи. Её движение было не шагом, а продолжением ритма: она как будто перетекала из одной точки в другую, ведя линию за собой.

— Я беру левый край, — сказала она ровно, будто они обсуждали не разлом, а маршрут по карте. — Ты держишь центр. Не давай ему ускоряться. Если почувствуешь, что тянет снова, — не пытайся бороться. Просто скажи мне слово. Любое. Я подхвачу.

Алексей сжал зубы, но не от напряжения, а чтобы удерживать голос внутри. Он снова нашёл тот такт, который только что чуть не потерял. И теперь он не просто слышал его — он чувствовал, как этот ритм держит его на месте, не даёт провалиться в ту серую пустоту.

Трещина замерла. Не исчезла, не закрылась — но перестала рваться. Она всё ещё пульсировала, но теперь это было не хаотичное биение раненого зверя, а неровный, но поддающийся контролю ритм.

Лира сделала ещё один плавный шаг и встала напротив Алексея, теперь уже по другую сторону разлома. Их взгляды встретились над рваной линией в камне.

— Ты видел их, — произнесла она не как вопрос, а словно вписывала это в общую картину, будто теперь всё вставало на свои места. В её голосе не было упрёка. Только признание

того, что он прошёл через то, через что не должен был проходить так рано.

Алексей медленно кивнул.

— Да. И я не хочу, чтобы они пришли сюда.

Лира чуть склонила голову, будто взвешивая его слова не по звучанию, а по весу: они были простыми, но в них не было ни паники, ни бравады — только твёрдое «нет».

— Тогда держи линию, — сказала она спокойно. — Пока я буду ставить якорь. Это займёт несколько минут. Не больше. Но эти минуты должны быть тихими.

Она опустила клинок, но не убрала его. Вместо этого достала из-за пояса тонкую полоску металла — не оружие, а ритуальную пластину с выгравированными рунами. Приложила её к краю трещины, закрыла глаза и на секунду замерла, будто прислушиваясь к чему-то, что мог слышать только тот, кто давно держит линию.

Алексей остался на своём месте. Он больше не смотрел на трещину. Он смотрел на Лиру — на её собранность, на то, как она не тратит лишних движений, как каждое её действие точно и необходимо. И он понял, что сейчас его главная задача — быть той самой паузой, тем самым тактом, который не даст миру рассыпаться, пока она делает свою работу.

Трещина дёрнулась ещё раз — слабее, будто устала бороться. Алексей не вздрогнул. Он просто позволил ритму пройти сквозь себя, как ветер проходит сквозь открытое окно, не разбивая стекла.

Когда Лира наконец открыла глаза, трещина уже не пульсировала так яростно. По краям пластины побежали тонкие линии света, сплетаясь в узор, похожий на ту самую спираль, которую Алексей видел во сне.

Лира подняла взгляд и впервые за всё время чуть заметно выдохнула — не от облегчения, а от того, что самое трудное осталось позади.

— Теперь она будет держаться, — сказала она спокойно. — Якорь поставлен. Но это не навсегда. Это как повязка на рану: она помогает, но рану всё равно нужно лечить.

Алексей опустил клинок. Руки чуть дрожали, но не от усталости, а от того напряжения, которое наконец-то можно было отпустить.

— Что дальше? — спросил он тихо.

Лира посмотрела на него не как на ученика, а как на того, кто только что доказал, что может стоять рядом.

— Дальше мы выясним, кто или что тянет эту линию изнутри, — сказала она, убирая пластину в пояс и снова беря клинок в руку. — Потому что трещины не появляются сами по себе. Кто-то их делает. Или что-то. И если мы не найдём источник, следующий раз будет хуже.

Глава 17

Алексей хотел рассказать всё сразу — и про серую пустоту, и про сеть трещин, похожих на вены, и про демонов, что скользили вдоль них, равнодушные и холодные. Но слова

рассыпались, не складываясь в предложения. Он открывал рот, пытался поймать хоть одну фразу, а вместо неё снова чувствовал тот густой, тяжёлый воздух, от которого хотелось закашляться.

— Я... я не могу это нормально описать, — наконец выдохнул он, сжимая и разжимая пальцы, будто пытался стряхнуть с них ощущение чужого мира. — Там всё было... не как здесь. Воздух будто застыл. И трещины — они не просто разрывали пространство, они его питали. Как будто этот мир живёт за счёт того, что всё время рвётся.

Лира не торопила, не кивала нетерпеливо, не пыталась подсказывать слова. Она просто стояла и слушала, и в этом внимании было что-то надёжное — будто она заранее знала, что ему будет трудно, и готова была ждать столько, сколько нужно.

— А демоны, — продолжил Алексей, подбирая слова осторожнее, словно боялся, что, назвав их вслух, снова притянет этот мир к себе, — они не смотрели на меня. Но я чувствовал их взгляд. Не глазами. Как... как холод, который ползёт по коже. Они проверяли, где ткань тоньше. Будто ждали, когда линия окончательно порвётся, чтобы пройти сюда.

Он на секунду замолчал, вспоминая тот гул, низкий и тягучий, будто сама пустота стонала.

— И ещё там была эта сеть, — добавил он уже тише, почти про себя. — Трещины сплетались, как вены. И по ним что-

то бежало. Тёмное. Живое.

Лира чуть склонила голову, и в её взгляде не было удивления — скорее подтверждение какой-то своей, давно известной ей мысли.

— Ты видел Пульсацию Бездны, — сказала она спокойно, без пафоса, просто называя вещи своими именами. — Так Хранители зовут эту сеть. Это не просто разломы. Это каналы, по которым Бездна дышит. Демоны — её голос, её руки. Они не создают трещины, но чувствуют, где мир уже ослаб, и тянут эту слабость дальше.

Алексей сглотнул. Теперь, когда Лира дала этому название, картина стала ещё страшнее — и в то же время понятнее.

— Значит, если мы не найдём источник... они придут сюда.

Лира не стала его успокаивать пустыми словами.

— Да, — просто ответила она. — Если линия порвётся окончательно, Пульсация откроет проход. И тогда этот холод, который ты почувствовал, станет не воспоминанием, а реальностью.

Она помолчала, будто давая ему время уложить это в голове, а потом чуть смягчила голос:

— Но ты видел не всю картину. Ты видел только край. И ты вернулся. Это уже многое значит.

Алексей снова посмотрел на трещину. Теперь она казалась ему не просто рваной линией в камне, а приоткрытой

дверью, которую они с Лирой только что сумели прикрыть.

— Я не могу описать это словами, — повторил он, уже не как оправдание, а как признание. — Но я могу нарисовать. Не сам мир, а эту сеть. Как она выглядела. Может, в узоре будет что-то... знакомое.

Лира кивнула, и в этом кивке было согласие не только с просьбой, но и с его способом справиться с тем, что он увидел.

— Хорошо. Возьми уголёк. Или мел. Что найдётся. Рисуй так, как запомнил. Не старайся сделать красиво. Старайся быть точным.

Алексей огляделся и заметил на полке у стены кусок тёмного мела. Взял его, подошёл к свободной части стены и на мгновение замер, вспоминая ту сеть, те линии, что бежали по миру демонов. Потом провёл первую линию — неровную, дрожащую. Вторую. И постепенно узор начал складываться: ветвистые линии, пересекающиеся, сходящиеся в узлах, похожие на вены или на корни древнего дерева. Он рисовал быстро, будто боялся, что детали начнут стираться из памяти.

Когда он отступил на шаг, на стене остался сложный, почти пугающий узор. И в самом центре, там, где сходились основные линии, вдруг проступил знакомый мотив — та самая спираль, похожая на татуировку Леры. Только здесь она была не маленьким знаком на коже, а сердцем всей сети, узлом, где сходились все пути.

Алексей замер, глядя на рисунок.

— Смотри, — тихо сказал он, указывая на центр. — Это ведь... как твой знак. Только в тысячу раз больше.

Лира подошла ближе, внимательно вгляделась в узор. Её лицо стало серьёзным, почти неподвижным.

— Да, — подтвердила она, проводя пальцем по спирали, но не касаясь стены, будто боялась спугнуть смысл, спрятанный в линиях. — Это родственные символы. Моя татуировка — это уменьшенная версия этого узла. Якорь, который повторяет структуру Пульсации, чтобы уметь ей противостоять.

Она подняла взгляд, и в нём была не тревога, а холодная решимость.

— Теперь мы знаем одну вещь наверняка: кто-то намеренно тянет линию здесь, чтобы открыть проход к этому узлу. И если мы не остановим источник, эта спираль на стене станет не рисунком, а настоящей дверью.

Алексей глубоко вдохнул, прогоняя остатки чужого холода.

— Тогда скажи, что делать, — твёрдо произнёс он. — Я готов.

Лира коротко кивнула, будто принимая его готовность не как храбрость, а как ответственность.

— Мы пойдём туда, где узор на стене совпадает с реальными разломами, — сказала она. — К старому крылу Зала. Когда-то там уже был прорыв. Возможно, источник всё ещё

там. И на этот раз мы не будем просто держать линию. Мы найдём того, кто её рвёт.

Глава 18

Мир демонов — это не просто тьма, а пространство, где сама реальность трещит по швам. Здесь границы между мирами — как тонкая ткань: демоны ломают их в местах, где стыки истончены от людских страстей и пороков. Проломы пульсируют багровым светом, из них тянет холодом и запахом тления, смешанным с чем-то сладковатым — это аромат чужих грехов. Чем тяжелее груз проступков существа из другого мира, тем ярче светится его след, тем сильнее он манит демонов. Они охотятся не ради крови, а ради самой сути греха: поглощая его, они становятся сильнее, а жертва исчезает без следа, будто её никогда и не было.

Между собой демоны называют мир Селены «Миром Светлых Иллюзий» — так они презрительно отзываются о месте, где люди верят, что могут быть хорошими.

Зарграк, повелитель проломов с кожей цвета остывшей лавы, покрытой трещинами, из которых сочится тусклое красное свечение подошёл к Безликому наблюдателю оставляя за собой едва заметные разломы в воздухе, и доложил своим низким голосом, от которого вибрируют кости:

— В Мире Светлых Иллюзий появился новый герой. Теоретически он способен нас победить. Его аура... странная. Не такая, как у остальных.

Безликий наблюдатель с длинными тонкими пальцами, похожими на изогнутые лезвия, по имени Вейраш молча проскользил к хрустальной сфере, в которой замелькали кадры из жизни Алексея. Вейраш нахмурился насколько это возможно для существа без лица и прошипел:

— Он жил среди пороков, видел зло, творил жёсткие вещи... Почему он не пахнет? Почему для нас он — словно пустой сосуд?

Древний демон-истолкователь, по имени Ксилтор расправив свои почти прозрачные крылья, будто сотканные из теней ответил:

— После смерти матери Алексей отрёкся от веры, в которую его обращали в детстве. Он больше не считает свои поступки грехами — для него нет шкалы добра и зла. А значит, и греха как такового для нас в нём нет. Он не отрицает тому, он просто перестал её замечать. И именно это делает его опасным: он действует не из страха или вины, а из пустоты, которую мы не можем заполнить.

Зарграк медленно поворачивается, и трещины на его коже вспыхивают ярче:

— Значит, нам придётся сломать эту пустоту. Пусть он снова начнёт чувствовать. Пусть снова научится бояться.

Глава 19

Алексей стоял, не в силах оторвать взгляд от узора. Тот не просто мерцал — он будто дышал, пульсируя в такт че-

му-то глухому и тяжёлому, что вибрировало в воздухе. В центре переплетающихся линий действительно угадывался знакомый мотив — точно такой же, как на татуировке Леры: три изогнутые дуги, смыкающиеся в точке, от которой расходились тонкие прожилки, похожие на трещины. Только здесь узор был не чернилами на коже, а самой тканью реальности. Казалось, если провести по нему пальцем, можно почувствовать, как мир под ним крошится.

Он протянул руку, почти коснулся... и тут же отдёргнул — воздух в этом месте был ледяным, а от узора тянуло чем-то чужим, горьким, словно пепел после чужого кошмара. И ещё: узор будто тянул к себе, шептал на границе слуха, обещая ответы на все вопросы — если только позволить себе раствориться в нём.

Алексей сжал кулаки, заставляя себя думать не о загадке, а о том, что важно прямо сейчас: Лира. Если этот узор как-то с ней связан, значит, он не может просто стоять и смотреть. Он должен понять, что это за знак, почему он здесь, и главное — не грозит ли это ей бедой.

В голове мелькнула мысль: а вдруг Лира сама не знает, что её татуировка — не просто рисунок? Что она — ключ, метка, предупреждение... или ловушка?

Он огляделся, пытаясь зацепиться хоть за какую-то деталь, которая помогла бы выбраться и рассказать об увиденном. И тут заметил, как по краям узора начинают расплываться тонкие трещины — словно кто-то тянул за ниточки,

разрывая границу. Пролом ширился, и из темноты за ним уже тянулись длинные тени с когтистыми пальцами.

«Нужно уходить», — пронеслось в голове, но ноги будто приросли к месту. Ещё секунда — и тени дотянутся.

Глава 20